

основав свое мнение «на стихах застольных, на песнях веселых и любовных», заключить, что «сочинитель оных был развратной пьяница». Порукой в том служат подлинные известия о поэте, а также его совершенный художественный вкус, ибо «люди изящного и тонкого вкуса редко бывают подвержены порокам грубым, каково пьянство или разврат» (с. XVII).

Анакреон в представлении Н. А. Львова был человеком добродетельным (с. III, IV), его стихи созданы во время отдыха, веселого застолья и в утонченной форме отражают состояние души античного поэта именно в эти минуты. Достоинства поэзии Анакреона в «приятной философии, каждого человека состояние улаждающей» (с. V),¹⁷ а также в «пленительной истине и простоте мыслей, таком чистом и волшебном языке, которой останется предметом отчаяния для всех подражателей его» (с. V—VI).

Причина подобного успеха в том, что поэзия древнегреческого лирика — «глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения» (с. VII). Картины его стихов и рассуждения, являющиеся действительным убеждением сердца, «суть ничто иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI). Тематика стихов Анакреона («любовь и утехы»), преданность Венере и Вакху, Купидону и Харитам — следствие «мягкого и нежного свойства его души». Как высшее воплощение эстетических принципов античности Анакреон противопоставляется поэтам нового времени, сам Н. А. Львов признается, что долгое время не понимал достоинств его творчества, «будучи заражен пухлостями какого-нибудь Томаса или пряного Дората», до тех самых пор, пока учение древних авторов, очистив его вкус от «фальшивых блесков французских лириков», не открыло глазам его «важную и простую красоту истины» (с. VIII). Ф. Петрарка, Г. А. Шолье, А. Л. Тома, С. Геснер, по убеждению русского поэта, жалкие подражатели Анакреона, «потому что все черты его ума, все изречения принадлежат его собственному ощущению» (с. XI). В их же стихах «и разбавленные, но те же самые красоты кажутся только понежнее бледностью своею для глаз наших» (с. XI).

С именем Анакреона Н. А. Львов связывает идеальное соотношение между частной жизнью и творчеством писателя, во многом предваряющее знаменитую пушкинскую формулу «слова поэта суть дела его»: «Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее, библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, человека узнавали бы вдруг и по соб-

¹⁷ Ср. также: «...стихотворец отменный, проповедник толь упоительный и приятной философии» (с. II).